

УДК 140.8

А. В. Гига

(к. филос. н., доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая народная республика)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

ЭНГЕЛЬС И ДИАЛЕКТИКА

***Аннотация.** В статье рассматривается работа Энгельса «Диалектика природы» в контексте как её исторически ведущего компонента, выраженного в названии монографии, так и в отношении её содержательно перспективных и актуальных трактовок, связанных с мировоззренчески-просветительской тематикой и вопросами общественно-исторического развития.*

***Ключевые слова:** Энгельс, диалектика, развитие, естествознание, мировоззрение, научная картина мира.*

«Презрение к диалектике, - пишет Энгельс, - не остается безнаказанным», ибо без теоретического мышления «невозможно связать между собой хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь», а диалектика как раз и «является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания» [1, с. 42, 181].

Материалистическая диалектика пережила к настоящему времени свой небывалый взлет публикаций в советский период – в 80-х годах прошлого века вышло два многотомных, высокопрофессиональных издания по всем направлениям общественного познания [2, с. 3]. Последнее из них задумывалось как восьмитомник, однако последние три тома так и не были изданы. В нынешнюю эпоху утверждения либеральных концепций, т.е. в последние тридцать лет интерес к ней упал почти до нуля. Однако первая приведённая фраза Энгельса остаётся истинным выражением состояния дел в теоретическом мышлении, относящемся, в особенности, к социально-культурной, исторической, политической и всякой иной сфере человеческой жизни. Немногочисленные философские публикации по теме диалектики носят преимущественно юбилейный характер и выглядят более риторически-хрестоматийным напоминанием о былом величии. Попытки же ре-актуализировать диалек-

тический метод, дополнить его или развить на принципиально новом фундаменте не осуществляются «парой звонких фраз (статей)», но могут прийти к реальному результату только при условии написания нового «Капитала», если это вообще возможно. В противном случае такие статьи, когда автор одновременно и критикует общество монополии крупного капитала, т.е., вроде бы стоит на социалистических позициях, но и поддерживает давно развенчанный подлинными историками миф о сталинизме, тотальных репрессиях и паразитировании политической системы СССР на социальном творчестве народных масс, как это описывается в [4], то его рассуждения о диалектике и её обновленном виде становятся очень шаткими, с выраженной встроенной идеологией антисоветизма времен холодной волны.

Внимание Энгельса к вопросам диалектического мышления, как в истории, так и в стремительно развивающемся естествознании, было продиктовано в огромной степени тем несоответствием получаемых результатов науки в виде новых принципов и законов природы общему взгляду естествоиспытателей на мир как на некое неподвижное и неизменное целое. «Вся первая половина XIX в., - пишет Энгельс, - все ещё находилась под его (т.е. указанного взгляда – А. Г.) господством и по существу его преподают ещё и теперь во всех школах» [1, с. 11]. Последнее являлось своего рода данью общественного сознания тому религиозно-мифологическому типу мышления, который был укоренен повсеместно на протяжении многих веков и тысячелетий. Даже великий Ньютон, стремящийся «не измышлять гипотез», напряженно занимался теологическими вопросами, написал, в частности, комментарий на Апокалипсис, для чего предварительно изучил древнееврейский язык. Его коллега и давний оппонент Лейбниц в конце жизни издал «Теодицею» (1710). Компромиссом между каноническим христианским догматизмом и научным изучением природы, своего рода мировоззренческим паллиативом явился деизм, учение о первотолчке. Энгельс, отмечая начало освобождения естествознания от теологии со времени опубликования труда Коперника «О вращении небесных сфер» (1543), замечает, что «выяснение между ними отдельных взаимных претензий затянулось до наших дней и в иных головах далеко ещё не завершилось даже и теперь» [1, с. 8]. Что сказал бы Энгельс, узнав, что и по сей день, уже в третьем тысяче-

летия, после 70-летнего доминирования в советском обществе научного сознания, ситуация вернулась к комически выглядящем «ренессансу» официозного православия не только в массах, но и в научной среде, как естественников, так и, в особенности, гумани-тариив. Комизм заключается не в моральной стороне вероучения, а в практике онтологизации библейских, прежде всего, ветхозавет-ных истин в массовом сознании. Идеи креационизма вновь оказы-ваются в центре мировоззренческих дискуссий и религиозная кар-тина мира довольно уверенно теснит научное представление о нём и, соответственно, научное мышление в целом.

В отечественной научной традиции, и в образовании в по-следние тридцать лет реактуализировались все те ненаучные, вуль-гарные и метафизические формы трактовок общественно-исторических процессов, которые были распространены в период домарковского материализма. В настоящее время в силу исключи-тельно идеологических причин научное понимание истории, обще-ства и человека в большой степени оказалось в ситуации мнимого плюрализма и навязываемого эпистемологического равноправия с религиозными «картинами мира», магическими практиками, ок-культными системами и прочими архаизированными формами ма-нипулятивных технологий.

В этом иллюзорном «равноправии» научное мышление, во-первых, в массовом общественном сознании превращается, прак-тически, в маргинально-реакционное, догматическое и ритуализо-ванное понимание, не обладающее каким-либо решающим пре-имуществом относительно религии и потому, во-вторых, субъекты научной деятельности должны вновь доказывать просвещенному обывателю свою необходимость. Даже, точнее, не «вновь доказы-вать» - поскольку ни Галилей, ни Ньютон ничего никому не дока-зывали, а впервые в истории обосновывать своё существование. Против науки как формы истинностного понимания и объяснения был применён даже её собственный лозунг свободомыслия, по-скольку аксиомы и принципы научного познания сейчас нередко определяются как новая догматическая систематика, ведущая, в лучшем случае, к случайным и относительным истинам, имеющем временный характер, и, во всяком случае, не затрагивающих саму суть человеческого бытия. Толкование этой сути вновь отдано церкви, ведущую откровенную экспансию в мировоззренческие,

культурные, финансовые и даже политические сферы жизни общества.

Здесь, в этой ситуации продуцируемого гносеологического хаоса присутствуют два момента. Первое касается развития естественных наук, и, прежде всего, теоретической физики. Математический формализм моделирующего описания и экспериментально-измерительная база этих исследований является надежным заслоном всякого рода идеологическим, конфессиональным и прочим спекуляциям относительно получаемого нового знания. Так было уже во времена Ньютона, Лейбница и Декарта. Их теологические интересы и предпочтения никак или почти никак не сказались на собственно научной стороне их деятельности. Тем более это касается математики. Только содержательная интерпретация некоторых формул – наподобие известной формулы Эйнштейна о связи массы и энергии – способна породить дискуссию, имеющую, к тому же, более метафизический характер, нежели напоминающую богословский диспут. Единственно мировоззренческие, историко-культурные и политические высказывания некоторых известных ученых-естественников, лежащие вне самого поля науки, могут вести к изрядной путанице в голове как простого обывателя, так и интеллигенции. И это тоже не ново: «...Каждый естествоиспытатель, - приводит Энгельс слова Вирхова, - вне своей собственной специальности является... полузнайкой, vulgo профаном» [1, с. 25-26].

Второй аспект заключается в крайней идеологизации и политизации дисциплин социально-гуманитарного цикла. Здесь нет ни практики эксперимента, ни измерительных процедур, ни моделирующего формализма. Им по существу нечего противопоставить растущей постмодернистско-позитивисткой вульгаризации представлений истории, общества и человека. Единственным выходом в этом случае является добросовестное прослеживание объективной логики развития с необходимой конкретизацией выводов, опирающихся не только на обширный фактический материал, но и, основное, на верно выбранную методологию движения от абстрактного к конкретному. Дополнительным фактором успешного исследования в этой области, в отличие от естественных наук, является в полной мере не формализуемое состояние морального сознания. При наличии прочих равных условий он может стать решающим условием

познания, так, что не должная моральная направленность, выраженная в оскудении морального чувства, неразвитости субъектно-гуманистической позиции, отсутствии ощущения личной сопричастности страданиями и бедам трудящихся, сочувствия к ним, высокомерие, снобизм и классовая ограниченность многих представителей интеллигенции – всё это не даст им возможности, невзирая на наличие образованности и общей культуры, формулировки действительной научной теории развития общества без понятийных мистификаций, схоластики, необоснованных допущений и явных или скрытых реверансов в сторону существующей власти.

Энгельс в «Диалектике природы» ведёт речь преимущественно о диалектическом способе мышления именно в естественных науках. Что характерно, делает это Энгельс с огромной степенью назидательности, нередко в форме прямого поучения и наставления, не стесняясь в нелестных эпитетах по отношению к естествоиспытателям, в том числе и с мировым именем. Таковы, видимо, были тогдашние правила ведения полемики. Он трактует диалектику как «науку о связях» [1, с. 44] в противовес взглядам эмпириков и вообще односторонней метафизике, от которой ускользает «связь целого» [1, с. 141]. Как ведущие законы диалектики им указаны три закона гегелевской логики – количественных и качественных изменений, единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания. Отличие от Гегеля в том, что Энгельс полагает эти законы не только лишь законами правильной познающей мысли, но и законами самого объективного материального мира. Здесь, в этой принципиальной точке размежевания материалистического и идеалистического философствования, присмотреться менее догматично и более сообразно самому духу классического мышления, указанное различие окажется заметно потускневшим. Действительно, абсолютный идеалист Гегель писал, что «Идея налична и действительна в явлениях, а не где-то за пределами и позади явлений» [5, с. 127]. Это высказывание звучит вполне материалистически и, во всяком случае, указывает на то, что если Гегель и считал необходимым для философии «постоять на голове», то имел на этот счёт свои соображения.

Энгельс очень подробно, с привлечением большого материала из области естественных наук и, особенно, химии, показывает выполнение первого закона. Традиционно, и в дальнейшем, уже в каноническом изложении диалектического материализма в виде

курса лекций по марксистско-ленинской философии, этот момент будет разжевываться с той же степенью обстоятельности. Также дотошно Энгельс анализирует и состояние дел в основных науках XIX в., в механике и астрономии, математике, биологии, выделяя её индифферентность к диалектике как серьезный недостаток современного ему уровня науки.

В целом, монография Энгельса «Диалектика природы» с этой точки зрения производит двойственное впечатление. С одной стороны, несомненно, что диалектика, ищущая взаимопереходы определений, всеобщие связи явлений, понимающая противоречия не как логический тупик, а, напротив, как «живой нерв» всякого развития, стоит выше абстрактно-одностороннего типа мышления. Но это была бы как раз метафизическая оценка их соотношения по причине того, что в ней эти типы мышления видятся не диалектически, не во взаимопереходе, а как находящиеся в односторонне полярном и неизменном размежевании – есть одно и другое. Одно – это почти эзотерическое, просветленное знание универсальных принципов истинного познания, другое – косная практика мышления ученых всех направлений, которые сплошь и рядом не в состоянии уразуметь того, о чём философия говорила много веков назад.

На деле же абстрактно аналитический подход по необходимости является начальным в научном познании по простой необходимости изначального понимания рассматриваемого явление в наиболее простой форме его движения. Таковой формой является механическое перемещение. Ведь прежде чем говорить о всеобщей связи, требуется ясное определение тех величин, для которых эта связь предполагается. На этот счёт ответ дала сама история философии и науки: так, Гегель, оценивая достижения Ренессанса в научном познании, констатировал, что там столько всего беспорядочно намешано, что проще прийти к истине, пользуясь действительным научным методом, а не выискивая в общем наследии эпохи Возрождения жемчужины истины. К тому же, чтобы отделить их от заблуждений, нужно как-то ориентироваться в том, что мы ищем, т.е., фактически, уже знать эти истины. Поэтому нельзя признать упрёк Энгельса, неоднократно высказанный на протяжении всего текста «Диалектики природы», что-де философы уже давно высказали верные положения, а наука только-только к ним подхо-

дит. Философы высказали, во-первых, далеко не только «верные положения», но и массу спекулятивных домыслов о мире, и, во-вторых, одно дело умозрительно схваченные и приблизительно сформулированные «общие представления», но совершенно другое формулировка их в рамках точной понятийной системы с возможностью математической формализации.

Декарт так характеризует своё отношение к существующей познавательной традиции: «... Я вовсе не стремлюсь исследовать, что знали другие или чего они не знали; мне довольно заметить, что, если бы даже вся наука, какой только можно желать, содержалась в написанных книгах, все равно то хорошее, что в них есть, перемешано с таким количеством бесполезных вещей и беспорядочно раскидано в такой куче огромных томов, что для прочтения всего этого потребовалось бы больше времени, нежели нам отпущено в этой жизни, а для выборки полезных истин — больше ума, нежели требуется для самостоятельного их открытия» [6, с. 155] И третьё, невзирая на элементарную простоту трех постулатов Ньютона, выражающих законы механики, ни один из них не был высказан даже приблизительно наиболее научным умом античности, Аристотелем. В том-то и дело, что эта простота обманчива, и требует совсем иной, не созерцательной практики мышления древних. Излишним педантизмом выглядит и попытка Энгельса развернуть понятие числа, манипулируя арифметическими действиями или, скажем, углубить содержание понятия единицы перечислением вариантов её получения.

Для математики это тривиально, и её дальнейшее развитие пошло совсем по другому пути, а именно – в рамках развития аксиоматически-дедуктивного подхода к вопросам обоснования самой математики, с основанием на представлении множеств. Это одна сторона впечатления от работы Энгельса, несущая отпечаток известной исторической ограниченности. Однако есть и другая сторона, позитивная.

Энгельсу удалось дать краткий, но емкий по существу популярный очерк, излагающий достижения современной ему науки во всех основных сферах познания. Сделано это на высоком уровне владения материалом, и, что важно, применяемый Энгельсом метод материалистической диалектики позволил, несмотря на некоторую полемическую заострённость, дать в ряде случаев точные прогнозы и оценки. Основные из них касаются темы взаимоперехода форм

движения и – самое впечатляющее – Энгельс очень однозначно, вопреки расхожему мнению ученых той эпохи, высказался о неверности утверждения о «тепловой смерти Вселенной», которое вытекало из второго начала термодинамики о росте энтропии замкнутой системы. Он пишет: «Вопрос будет окончательно решён лишь в том случае, если будет показано, каким образом излучённая в мировой пространство теплота становится вновь *используемой*. Учение о превращении движения ставит этот вопрос в абсолютной форме...» [1, с. 248]. Это его общетеоретическое умозаключение исторически оказалось совершенно верным. Хотя в современной науке относительно дальнейшей эволюции Вселенной до сих пор нет устойчивого окончательного ответа, тем не менее можно утверждать правоту Энгельса, поскольку он опирается не только на верную трактовку закона сохранения энергии и взаимоперехода форм движения, но и на то бесспорное соображение, что «...в природе не происходит никаких чудес и... первоначальная теплота туманности не была получена ею чудесным образом из внемировых сфер» [1, с. 249].

В настоящее время большее значение, нежели проблема диалектизации мышления в естествознании, приобрела тема собственно просветительская, предполагающая популяризацию достижений науки и их правильную трактовку, и, второе, актуализировались вопросы познания современного этапа общественно-исторического развития. Первая сторона в своём мировоззренческом (а не только в простом разъяснительном) контексте нашла полное отражение в рассматриваемой работе Энгельса, а раскрытие второй (в совокупности с просветительской работой), по естественным причинам, лежит исключительно на плечах нынешнего поколения.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1975. – 359 с.
2. Материалистическая диалектика как общая теория развития: в 4-х т. Тт.1-4. – М.: Наука, 1982-1983.
3. Материалистическая диалектика как научная система. В 8-ми книгах. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983-1988.
4. Бузгалин А. В. Диалектика в мире креатосферы и сетевых структур: критике постмодернизма (реактуализация диалектического метода - i) // Философия хозяйства. - 2009. - № 2 (62). – С. 111-140.

5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. - 452 с.
6. Декарт Р. Разыскание истины посредством естественного света // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С.154-178.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

ENGELS AND DIALECTICS

***Annotation.** The article examines the work of Engels "Dialectics of Nature" in the context of both its historically leading component, expressed in the title of the monograph, and in relation to its meaningfully promising and relevant interpretations related to ideological and educational topics and issues of socio-historical development.*

***Key words:** Engels, dialectics, development, natural science, worldview, scientific picture of the world.*